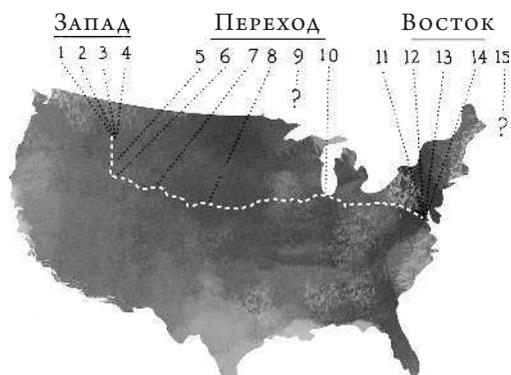

РЕЙФ ЛАРСЕН

НЕВЕРОЯТНОЕ
ПУТЕШЕСТВИЕ
МИСТЕРА СПИВЕТА

АСТ
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)
Λ25

Reif Larsen
The Selected Works of T.S. Spivet

*Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Denise Shannon Literary Agency, Inc.
и Prava I Prevodi International Literary Agency*

Λ25 **Ларсен, Р.** Невероятное путешествие мистера Спивета : роман / Рейф Ларсен; пер. с англ. М. Виноградовой. — Москва: АСТ, 2015. — 368 с.

ISBN 978-5-17-089535-9

Не по годам умный двенадцатилетний Текумсе Воробей Спивет живет на ферме, развлекаясь картографией. Его родители так заняты собой, что не обращают на него никакого внимания. Внезапно за один из своих рисунков Спивет получает престижную премию Смитсоновского института. Чтобы забрать ее, мальчику нужно сбежать из дома и проехать через всю страну.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7 Сое)

ISBN 978-5-17-089535-9

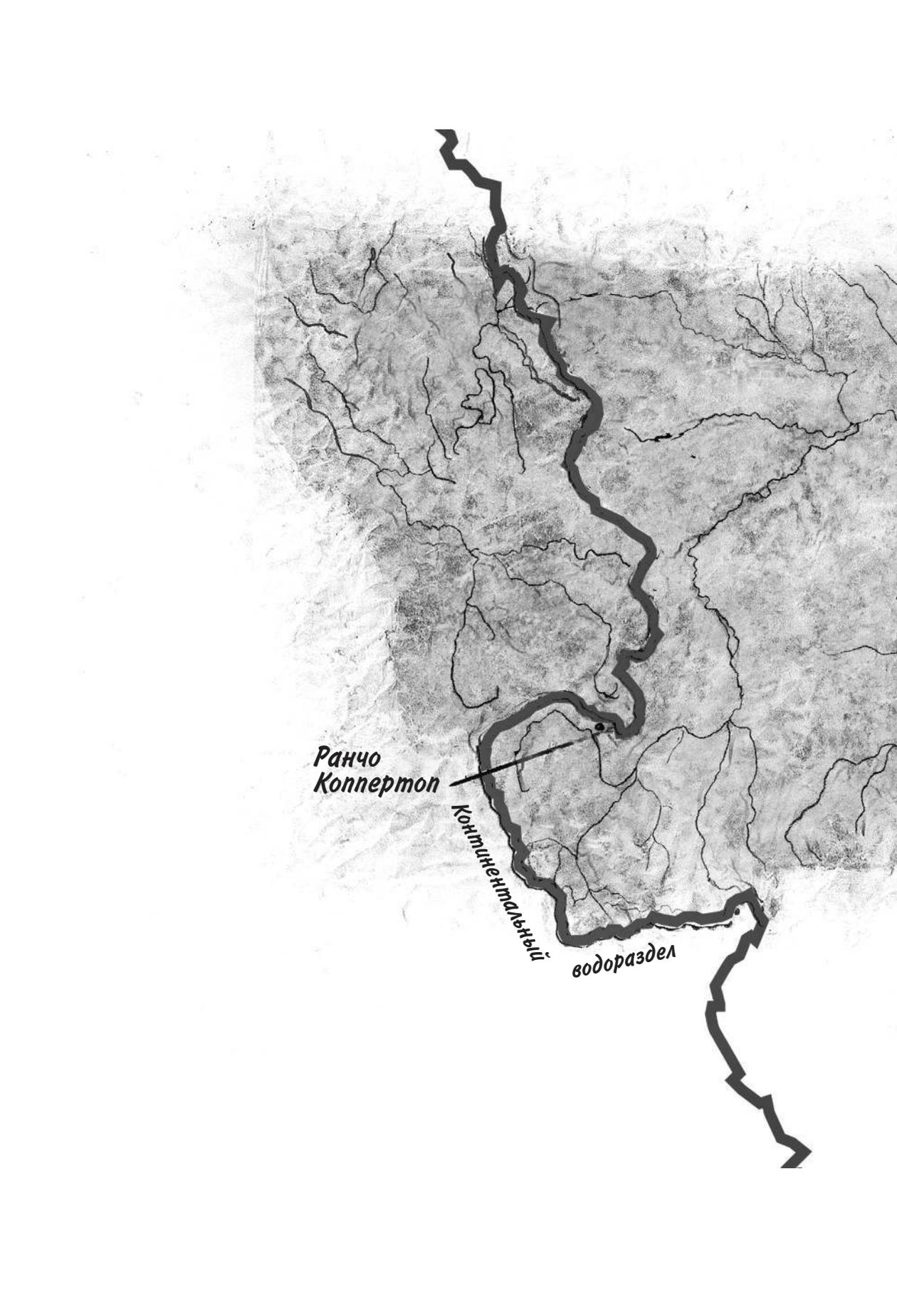
Copyright © 2009 by Reif Larsen

Школа перевода
В. Баканова

© М. Виноградова, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2015

Кәтү

*Ранчо
Коппертон*

The image is a topographic map of a region, likely in the western United States, showing a prominent continental divide. The divide is highlighted with a thick black line that runs north-south, with a slight eastward curve in the middle. The terrain is shaded in grayscale to indicate elevation, with darker areas representing higher elevations. A network of thin lines represents the drainage basins on either side of the divide. Two specific locations are marked with small black dots: one on the divide and another on the eastern slope. The text 'Ранчо Коппертон' is written in a stylized, italicized font and is connected to the dot on the divide by a thin black line. The text 'Континентальный водораздел' is also in a stylized, italicized font and is positioned along the divide, following its curve.

Континентальный

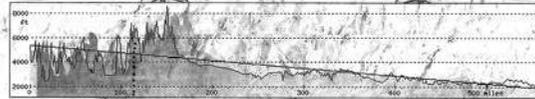
водораздел

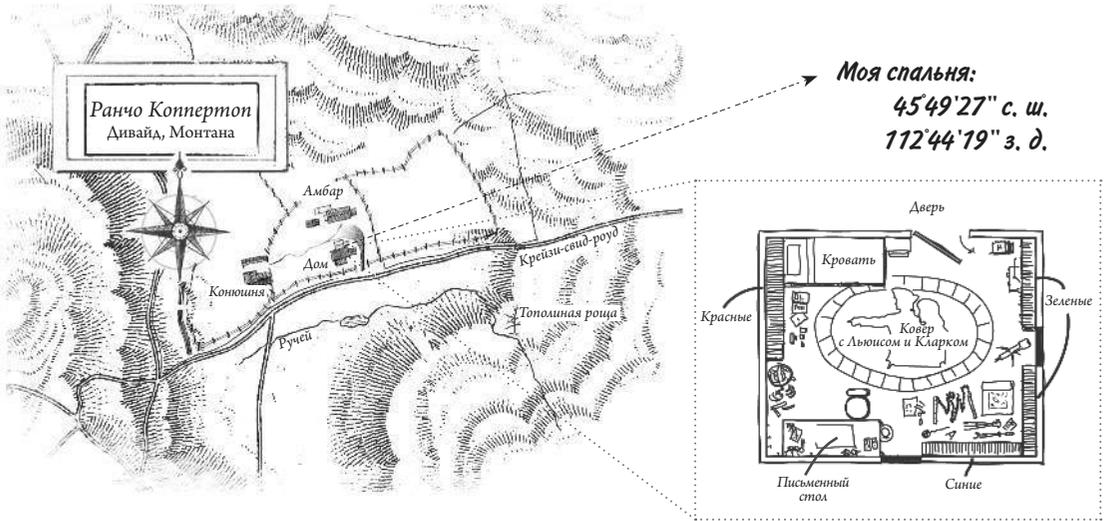

ЧАСТЬ I: ЗАПАД

TSS

Монтана как система рек

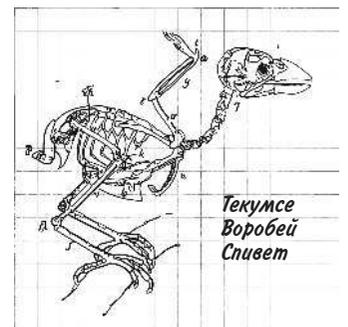
Глава 1

Телефон зазвонил августовским вечером, когда мы с моей старшей сестрой Грейси сидели на заднем крыльце и лушили сахарную кукурузу в здоровенные жестяные ведра. На ведрах еще виднелись маленькие отпечатки зубов — с прошлой весны, когда наш дворовый пес Очхорик внезапно впал в депрессию и начал жрать металл.

Пожалуй, следует уточнить. Когда я говорю, что мы с Грейси лушили сладкую кукурузу, на самом деле я имею в виду, что кукурузу лушила Грейси, а я рисовал в одном из моих синих блокнотиков на пружинке картограмму, как именно она лушит кукурузу.

Все мои блокноты маркированы по цветам. Синие, аккуратно выстроенные по южной стене спальни, зарезервированы под «Схемы того, как люди что-нибудь делают», в отличие от зеленых блокнотов на восточной стене, где содержатся зоологические, геологические и топографические карты, или красных на западной стене, куда я зарисовываю анатомию насекомых в тех случаях, когда моя мать, доктор Клэр Линнеакер Спивет, прибегает к моим услугам.

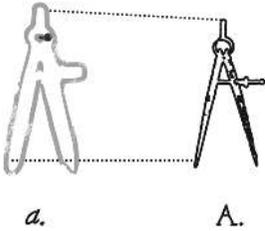
Я постоянно боролся с поразительным уровнем энтропии в моей крохотной спальне, битком набитой отложениями жизни картографа. В их число входили: геодезические приборы, старинные телескопы, секстанты, мотки бечевки, банки с воском, компасы и притулившийся на письменном столе скелет воробья (в момент моего рождения о кухонное окно насмерть разбился воробей. Орнитолог из Биллингса восстановил рассыпавшийся скелет, а я получил второе имя).

Скелет воробья
Из блокнота 3214

И, думаю, была совершенно права. ←

Каждый инструмент в моей комнате висел на строго отведенном месте, а на стене за каждым прибором я начертил его контуры и подписал название — как бы это самого инструмента. Таким образом, я всегда знал, чего недостает и куда это надо поместить.

Однако даже при такой системе что-то падало, что-то ломалось, а на полу скапливались груды мусора, сбивая меня с толку. Мне было всего двенадцать, но путем наблюдения за тысячами закатов и рассветов, рисования и перерисовывания тысячи карт, я уже успел впитать жизненно важную концепцию, что все рано или поздно приходит в упадок и убиваться по этому поводу глупо.

Моя комната не была исключением. Нередко, просыпаясь посреди ночи, я обнаруживал у себя в постели чертежные принадлежности, которыми полные духи пытались зарисовать мои сны.

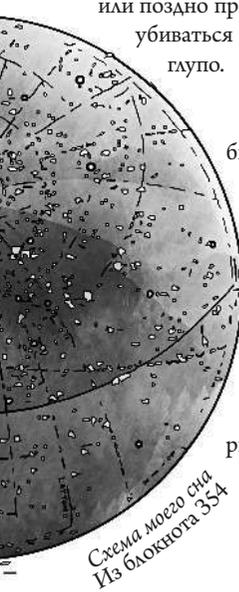

Схема моего сна
Из блокнота 354

Как-то я решил занять и северную стену, но, увлекшись наведением порядка, позабыл, что там расположен вход в комнату, и когда доктор Клэр открыла дверь, чтобы позвать меня за стол, полка рухнула мне на голову.

Я сидел на ковре с портретами Льюиса и Кларка, придавленный грудой блокнотов и книжной полкой.

— Я умер? — спросил я, зная: даже если и так, она все равно не скажет.

— Никогда не позволяй работе загонять себя в угол, — промолвила из-за двери доктор Клэр.

Наше ранчо лежало к северу от Дивайда — захолустного городка в Монтане, такого крохотного, что его даже с шоссе легко не заметить, если вдруг не вовремя вздумаешь настраивать радио. Окруженный горами Пионер-маунтинс, Дивайд угнездился в плоскодонной долине, где в зарослях полыни валяются обгорелые остовы неполноприводных автомобилей — напоминание о днях, когда тут и впрямь кто-то жил. Железная дорога вступает в город с севера, а Биг-Хоуливер втекает с запада, и обе уходят на юг, на поиски более сочных пастбищ. Манерой же прохождения и запахами они разнятся: железка устремляется прямо вперед, не задаваясь вопросами о скальной породе, которую взрезает; ее рельсы пахнут осевой смазкой, шпалы источают едкий лакричный аромат. Биг-Хоуливер, наоборот, — беседует с землей, петляет по долине, собирает по пути ручьи и речушки, потихоньку выискивает путь наименьшего сопротивления. Пахнет она мхом, тиной, полынью, а иногда черникой — если время года подходящее, хотя вообще-то подходящего времени года не выдавалось вот уже много лет.

В те дни железнодорожной станции в Дивайде не было, и только состав «Юнион Пасифик», грохоча, пронесся через долину в 6:44, 11:53 и 17:15, плюс-минус пара минут в зависимости от погодных условий. Расцвет шахтерских городков Монтаны давным-

давно миновал, теперь поездам останавливаться стало незачем.

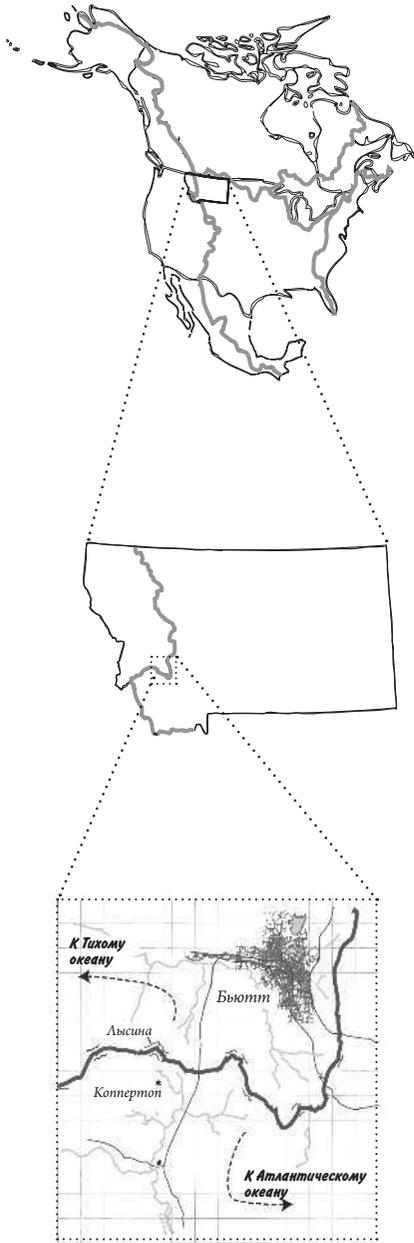
Когда-то в Дивайде был салун.

— Салун «Синяя луна», — говорили мы с моим братом Лейтоном, плывая на лодке по речке и высокомерно задирая носы, как будто в сие заведение заходила исключительно знать, хотя скорее-то было ровно наоборот: в те дни Дивайд посещали захоластные скотоводы, одержимые рыбаки, да время от времени заезжий террорист Унабомбер, а не франтоватые пижоны, охочие до салонных игр.

Ни Лейтон, ни я сроду не бывали в «Синей луне», однако домыслы о том, как там внутри и кто туда ходит, легли в основу множества фантазий, которым мы предавались, лежа в лодке на спине. Вскоре после смерти Лейтона «Синяя луна» сгорела — но к тому времени салун, даже охваченный пламенем, был уже не источником вдохновения, а всего-навсего еще одним горящим — вот уже и догоревшим — зданием в долине.

Если встать на том месте, где когда-то была железнодорожная платформа, рядом с белым заржавевшим знаком, на котором, если прищуриться и взглянуть под определенным углом, еще различается название ДИВАЙД — так вот, если с этого места при помощи компаса, звезд или просто интуиции взять курс ровно на север и пройти 4,73 мили, продираясь через колючий кустарник над руслом реки, а потом по заросшим дугласовыми пихтами холмам, то упруешься в передние ворота нашего маленького ранчо, Коппертоп, угнездившегося на изолированном плато на высоте 5343 фута над уровнем моря: швырни камень на север — аккуратно добросишь до континентального водораздела, в честь которого город и получил свое название.

Водораздел, о, водораздел! Я вырос в тени этой великой границы у себя за спиной, и его тихое, неизменное присутствие проникло в меня до мозга костей. Водораздел был массивной, раскинувшейся чертой, заданной не политикой, войнами или религией, а лишь тектонически-

Континентальный водораздел
как фрактал
Из блокнота С58

ми плитами, гранитом и силой тяжести. Как же интересно: ни один американский президент не узаконивал эту границу полноправным указом, однако очертания ее миллионом разнообразных невысказанных способов повлияли на расширение и формирование американских рубежей. Этот зазубренный часовой разрез водосборные бассейны страны на восточный и западный, Атлантический и Тихоокеанский — и к западу вода была золотом: куда она шла, туда следовал и народ. Капли дождя, упавшие чуть западнее от нашего ранчо, попадали в ручьи, что через систему Колумбия-ривер стекали в Тихий океан, тогда как водам нашего ручья, Фили-крик, отводилась почетная роль пропутешествовать еще тысячу миль — всю дорогу вниз до заболоченных протоков Луизианы — и через глинистую дельту влиться в Мексиканский залив.

Мы с Лейтоном, бывало, взбирались на «Лысину», самый гребень водораздела — Лейтон, сжав обеими руками стакан с водой, сияясь не пролить ни капли, а я — с примитивным фотоаппаратом, который сам смастерил из обувной коробки. Я фотографировал, как он носится взад-вперед и льет воду то на одну сторону холма, то на другую, а сам вопит по очереди с этим своим классным креольским акцентом: «Привет, Портленд!», «Здорово, Новый Орлеан!» Как я ни совершенствовал механизм, мне так и не удалось запечатлеть на снимке весь героизм Лейтона в этот момент.

Как-то после одной такой вылазки он заявил прямо за обеденным столом:

— А от реки многому можно научиться, правда, па?

И хотя отец в тот раз ничего не ответил, по тому, как он доедал картофельное пюре, видно было: слова сына пришлось ему по вкусу. Мой отец любил Лейтона больше всего на свете.

Итак, Грейси на крыльце лущила кукурузу, а я зарисовывал. Трещотки и жужжалки наполняли поля вокруг нашего ранчо томной музыкой, над землей плыла

август — густой, знойный, памятный. Монтана сияла воплощением лета. Неделей раньше я наблюдал, как над мягким, поросшим еловым лесом хребтом Пионер-маунтинс медленно и тихо занимается рассвет. Я просидел всю ночь, заполняя блокнот-мультфильм, где древняя схема человеческого тела в представлениях династии Цинь накладывалась на триптих о трактовке работы внутренних органов племенами навахо, шошонов и шайенов.

На заре я босиком вышел на заднее крыльцо. Меня чуть лихорадило. Даже после бессонной ночи я ощущал мимолетное волшебство этого мгновения, поэтому заложил руки за спину и стискивал себе мизинец, пока солнце наконец не явилось из-за хребта свой неведомый лик и не сверкнуло прямо мне в глаза.

Потрясенный, я присел на ступеньки крыльца, и луклявые деревянные доски не упустили случая затеять со мной разговор:

— *Сейчас тут только ты да я, паренек, — споем, что ли, вместе тихонько, —* проскрипело крыльцо.

— У меня полно работы, — ответил я.

— *Какой еще работы?*

— Не знаю, всякой, по хозяйству. Тут, на ранчо.

— *Тебе не место на ранчо.*

— Правда?

— *Ты не насвистываешь ковбойские песенки и не плюешься в жестянки.*

— Да я вообще не очень-то хорошо плююсь. Я люблю карты.

— *Карты? —* переспросило крыльцо. — *Да что тут зарисовывать на картах? Плюйся в жестянки. Оседлай этот край. Смотри на вещи проще.*

— Тут полно всего, что можно нанести на карту. И мне некогда смотреть на вещи проще. Я вообще не очень понимаю, что это значит.

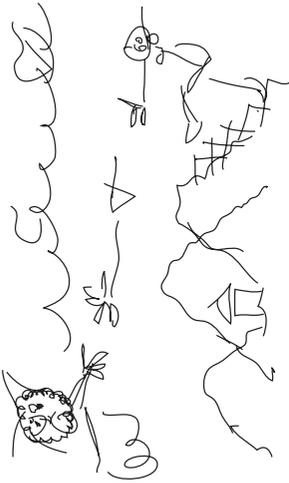
— *Нет, ранчо не для тебя. Ты болван.*

— Я не болван, — возразил я. Но потом не утерпел: — Или все-таки?

— Тебе одиноко, — заявило крыльцо.
 — Правда?
 — Где он?
 — Не знаю.
 — Знаешь.
 — Да.
 — Тогда садись и насвистывай заунывную ковбойскую песенку.

— Но я еще не закончил с картами. Тут так много всего, что я еще могу нарисовать!

→ Самую первую свою карту я нарисовал как раз с этого самого крыльца.

Привет, Господь. Т. В. Спивет, 6 лет.

В то время я считал, что здесь приведены полезные инструкции, как забраться по старой расстрескавшейся горе Хамбаг на небо и пожать руку Господу Богу. Глядя назад, могу добавить, что неуклюжесть и низкое качество карты объясняется не только нетвердой рукой младости, но и тем, что я тогда не понимал: карта места отличается от самого этого места. В шесть лет ребенку несложно перепутать мир карт с реальным миром.

Когда мы с Грейси лущили кукурузу, на крыльцо вышла доктор Клэр. Услышав, как под ее шагами за скрипели половицы, мы с Грейси разом подняли головы. Большим и указательным пальцами доктор Клэр крепко сжимала булавку, на которой поблескивал зеленовато-синим металлическим отливом жук. Я опознал *Cicindela purpurea lauta*, редкий подвид орегонского жука-скакуна.

Моя мать высока и костява, а кожа у нее такого мучнистого оттенка, что когда мы ездили в Бьютт, на нее оборачивались прохожие. Одна старушка в цветастой широкополой шляпе даже сказала своему спутнику: «Глянь только, какие запястья тонкие!» И между прочим, правильно подметила: не будь доктор Клэр моей матерью, я б тоже решил, будто с ней что-то неладно.

Черные волосы доктор Клэр забирала в тугий пучок, державшийся на двух полированных шпильках, похожих на кости. Она распускала волосы только на ночь, да и то лишь за закрытыми дверьми. В детстве мы с Грейс по очереди подглядывали в замочную скважину за потаенными вечерними сценами. Скважина была слишком маленькой, всю картину толком не разглядишь — видно было только, как ходил взад-вперед ее локоть, словно мама работала за старинным ткацким станком. Или, если везло, чуть подвинувшись, можно

ЗАПАД

было увидеть несколько прядок волос и расческу, что исчезала и снова появлялась, с тихим шелестом скользя по волосам. Подглядывание, замочная скважина, шелест — в ту пору все это казалось таким восхитительно дерзким.

Лейтона, как и отца, ни красота, ни гигиена ничуть не интересовали, так что он к нам никогда не присоединялся. Их с отцом вотчина располагалась в полях, где гуртовали коров и объезжали норовистых дерзков.

Доктор Клэр носит массу всяких зеленых побрякушек — хризолитовые сережки, браслеты с сапфирчиками. Даже цепочка для очков у нее из малахитовых бусин: камешки мама нашла в Индии, когда была в экспедиции. Во всех этих зеленых украшениях, со шпильками в волосах, она иногда напоминает мне березку по весне — вот-вот расцветет.

Несколько секунд доктор Клэр молча стояла на крыльце, рассматривая Грейси, зажавшую между ног здоровенное жестяное ведро с желтыми початками, и меня, пристроившегося на ступеньках с блокнотом и в налобной лупе. Мы с Грейси уставились на нее.

— Тебя к телефону, Т. В., — наконец произнесла она.

— Его? К телефону? — поразились Грейси.

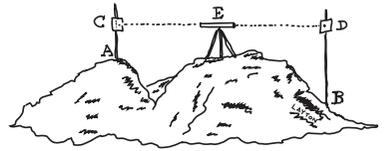
— Да, Грейси, Т. В. к телефону, — повторила доктор Клэр не без удовлетворения в голосе.

— А кто? — поинтересовался я.

— Не могу точно сказать. Я не спрашивала, — ответила мама, подставляя жука на булавке под свет. Доктор Клэр из тех матерей, что с самого младенчества, кормя вас кашкой, заодно пичкают сведениями о периодической таблице элементов — но даже в наш век международного терроризма и киднеппинга не удосужатся спросить, а кто, собственно, названивает их отпрыскам.

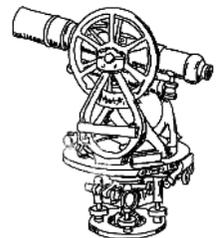
Сказать по правде, я был заинтригован телефонным звонком ничуть не меньше Грейси, поскольку на самом деле у меня всего два друга:

1) Чарли. Светловолосый паренек на класс младше меня, всегда готовый помочь мне в любой картографической экспедиции, лишь бы подняться в горы, подалее от трейлера в Южном Бьютте, где его мамаша целыми днями просиживает в кресле на траве и поливает свои огромные ножжи из садового шанга. Чарли словно бы родился наполвину горным козлом: неприужденнее всего он себя чувствует, когда стоит на склоне под углом в сорок пять градусов, а то и больше, и держит ярко-оранжевую рейку, пока я делаю замеры с другого конца долины.

2) Доктор Терренс Йорн. Профессор энтомологии из Монтанского университета в Бозмане, мой наставник. Доктор Клэр представила нас друг другу на пикнике Юго-западного монтанского энтомологического общества. До того, как я познакомился с доктором Йорном, там была скука смертная. Мы с ним три часа кряду беседовали о долготе и широте над тарелками с картофельным салатом. Это доктор Йорн убедил меня (за спиной моей матери) подать работы в «Сайнс» и «Смитсоnian». Я думаю, в определенном смысле его можно назвать моим научным отцом.

Теофилит Джимми
Доктор Йорн подарил мне этот теодолит после моей первой публикации в журнале Смитсоновского института.

Джимми